

стоящемъ, а этого-то и нѣтъ и не можетъ быть... Прекрасенъ блескъ семицвѣтной радуги, прекрасно зрѣлище сѣвернаго сіянія, но вѣдь они не существуютъ въ дѣйствительности, вѣдь они только обманчивыя отраженія солнца въ атмосферѣ; вѣдь дѣйствительность должна же быть мѣрою цѣны явленій духовнаго міра, какъ золото вещей матеріальныхъ. Иначе—что же жизнь, если не сонъ и не мечта? Я теперь совершенно созналъ себя, понялъ свою натуру: то и другое можетъ быть вполне выражено словомъ *That*, которое есть моя стихія. А сознать это, значитъ сознать себя заживо закрытымъ въ гробу, да еще съ связанными назади руками. Я не рожденъ для науки, ни даже для того тихаго кабинетнаго занятія любимыми предметами, которое такъ сродно твоей натурѣ. Да, я уже сказалъ себѣ: умирай—для тебя ничего нѣтъ въ жизни, жизнь во всемъ отказала тебѣ. Что до женщины—это тоже грустная исторія...

„Знаю, какъ жалокъ, какимъ ребенкомъ быть я съ моими мечтами о сочувствіи и счастья въ любви, съ моимъ дѣтскимъ обожествленіемъ женщины, этого весьма земнаго существа; но что же получила я взамѣнъ утраченныхъ теперь глупыхъ, но поэтическихъ мечтаній? Новую пустоту въ душѣ, какъ будто она и безъ того была не довольно пуста. Женщина потеряла для меня весь интересъ, способность любить утрачена, узы брака представляются не другимъ чѣмъ, какъ узами, а одиночество терзаетъ, высасываетъ кровь капля по каплѣ. Увы!

Забылъ сердце нѣжный трепетъ
И пламя юности живой!

„Осталось для меня въ женщинѣ только одно—роскошныя формы, трепетъ и мѣтніе страсти, словомъ, осталась для меня только греческая женщина, а минна среднихъ вѣковъ скрылась навсегда. Не чувствуя въ себѣ самомъ способности не только къ вѣчной страсти, но и къ продолжительной связи съ какою бы то ни было женщиной, я не вѣрю ужъ той любви, которая еще такъ недавно была первымъ догматомъ моего катехизиса. Авторитеты Пушкина и подобныхъ ему натуръ еще болѣе утвердили это невѣріе. Можетъ быть, я еще и могу увлечься женщиною и любить ее, но не могу видѣть въ ней ничего болѣе женщины—существа, по своей духовной организаціи слабаго, бѣднаго, жалкаго. Красота еще владѣетъ (въ мечтѣ) моей душою, но что такое красота? Годъ, одинъ годъ жизни женщины, отъ той минуты, какъ перестала быть дѣвизкой и почувствовала, что она *мать*“.

„Твоя исторія, Боткинъ, окончательно добила во мнѣ всякую вѣру въ чувство“...

„Сейчасъ прочелъ въ письмѣ твоемъ о Гете и Шиллерѣ—умишь и истиннѣе этого ничего не читалъ—просто не могу начитаться. Какъ хочешь, а вклею въ статью, подъ видомъ выписки изъ нѣкаго частнаго письма.“

„О, Запискахъ одного молодого человѣка“ не хочу съ тобою спорить, ибо не вижу никакой возможности ни согласиться съ тобою, ни тебя согласить со мною. Ты просто несправедливъ къ нему, какъ къ лицу, и не любишь его, какъ личность. А для меня это—человѣкъ, одинъ изъ тѣхъ, какихъ у насъ, къ несчастью, мало...

„Насчетъ Гейне тоже остаюсь при своемъ мнѣніи. То, что ты называешь въ немъ отсутствіемъ всякихъ убѣжденій, въ немъ есть только отсутствіе системы мнѣній, которой онъ, какъ поэтъ, создать не можетъ и не будучи

въ состояніи примирить противорѣчій, не можетъ и не хочетъ, по нѣмецкому обычаю, натягиваться на систему. Кто оставилъ родину и живетъ въ чужой землѣ, по мысли, того нельзя подозрѣвать въ отсутствіи убѣжденій. Гейне понимаетъ ничтожность французовъ въ мысленіи и искусствѣ, но онъ весь отдался идеи *достоинства личности*, и неудивительно, что видитъ во Франціи цвѣтъ человечества. Онъ ругаетъ и позоритъ Германію, но любитъ ее истиннѣе и сильнѣе всевозможныхъ гофратовъ и мыслителей, и ужъ, конечно, побольше защитниковъ и поборниковъ дѣйствительности, какъ она есть... Гейне—это нѣмецкій французъ—именно то, что для Германіи теперь всего нужнѣе“.

„О стихахъ Пушкина въ альманахѣ¹⁾ нельзя и говорить обыкновеннымъ человѣческимъ языкомъ, а другого у меня нѣтъ. Я понимаю ихъ насквозь. Такого глубокаго и граціозна-деликатнаго чувства нельзя выразить, какъ перечтѣ эти же самые стихи. Но каковы его „Три ключа“ въ 1 № „О. З.“? Они убили меня, и я твержу безпрестанно: „Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолитъ“...

„...Чѣмъ болѣе читаю отрывки изъ „Фауста“ (Струговщ., Веневитинова и др.), тѣмъ болѣе увѣряюсь, что это—величайшее созданіе мірового гения. О 2-й ч. не говорю: явно, что она вышла изъ подгнѣвшей рефлексіи, полна аллегоріями, но и въ ней должны быть дивныя частности. Понялъ я, наконецъ, что такое *рефлектированная поэзія*—великое дѣло! Мы не греки: греческій міръ существуетъ для насъ, какъ прошедшій (хотя и величайшій) моментъ развитія человечества, но онъ не можетъ дать намъ полнаго удовлетворенія. Младенчество—прекрасное время, время полноты, но кому 30 лѣтъ, наскучить быть съ одними дѣтьми, какъ бы ни любилъ ихъ“.

„...Я, было, недавно пришелъ въ отчаяніе отъ своей неспособности писать: вижу—есть мысль, глубоко понимаю, что хочу сказать, а сказать не могу—слова не повинуются, нужны образы: ихъ не нахожу“...

„...Нѣтъ никакой возможности писать хорошо для журнала... Дай мнѣ написать въ годъ три статьи, дай каждую обработать, передѣлать—ручаюсь, что будетъ стоить прочтенія... Хорошо какому-нибудь Ретшеру издать въ годъ брошюру, много двѣ. А тутъ напишешь 5 полулистовъ, да и шлешь въ типографію.“

Петербургъ, 8 сентября 1841 г. 2).

„...Боткинъ, перекрестись,—что ты, Христосъ съ тобою; ты боленъ... и тебѣ видятся дурные сны...³⁾ Боткинъ, въ немъ, въ этомъ прошедшемъ, много дряни—не спорю; но забыть ее нѣтъ возможности, ибо съ нею соединено тѣсно и все лучшее, что было въ нашей жизни и что навсегда свято для насъ. Нѣтъ нужды говорить, что ни одинъ изъ насъ не можетъ похвалиться, ни упрекнуть себя болѣею долей дряни: количество равно съ обѣихъ сторонъ, и намъ нельзя завидовать другъ другу или стыдиться одинъ другого“...

„Ты знаешь мою натуру: она вѣчно въ

1) Рѣчь идетъ, вѣроятно, объ „Утренней Зарѣ“ Владиславлева, изъ 1841 года, гдѣ было помѣщено стихотвореніе Пушкина: „Для береговъ отчизны дальней“.

2) *Литингъ*, А. „Бѣлиневскій“, т. II, стр. 121—126

3) Боткину пришло въ голову, что другъ его охладѣлъ къ нему, и онъ высказалъ это въ письмѣ къ Бѣлинекому.